Часть первая

Старый Моряк встречает трех юношей, званых на свадебный пир, и удерживает одного.

Старик Моряк, он одного
Из трёх сдержал рукой.
«Что хочешь ты, с огнём в глазах,
С седою бородой?

Открыты двери жениха,
И родственник мне он;
Уж есть народ, уж пир идёт,
Весёлый слышен звон».

Но держит всё его старик:
«Постой, корабль там был…»
«Пусти седобородый лжец».
Старик его пустил.

Свадебный Гость зачарован глазами старого мореплавателя и принуждён выслушать его рассказ.

Вперил в него горящий взор.
Гость — дальше ни на шаг,
Ему внимает, как дитя,
Им овладел Моряк.

Присел на камень Брачный Гость
И головой поник;
И начал с пламенем в глазах
Рассказывать старик.

«Корабль плывёт, толпа кричит,
Оставить рады мы
И церковь, и родимый дом,
Зелёные холмы.

Моряк рассказывает, как корабль плыл к югу при хорошем ветре и тихой погоде, пока не приблизился к Экватору.

Вот солнце слева из волны
Восходит в вышину,

Горит и с правой стороны
Спускается в волну.

Всё выше, выше с каждым днём
Над мачтою плывёт…»
Тут Гость себя ударил в грудь,
Он услыхал фагот.

Свадебный Гость слышит музыку; но Моряк продолжает свой рассказ.

Уже вошла невеста в зал,
И роз она милей,
И головы весёлый хор
Склоняет перед ней.

И Гость себя ударил в грудь,
Но дальше ни на шаг.
И так же, с пламенем в глазах,
Рассказывал Моряк.

Корабль унесён штормом к Южному полюсу

Но вот настиг нас шторм, он был
Властителен и зол,
Он ветры встречные крутил
И к югу нас повёл.

Без мачты, под водою нос,
Как бы спасаясь от угроз
За ним спешащего врага,
Подпрыгивая вдруг,
Корабль летел, а гром гремел,
И плыли мы на юг.
И встретил нас туман и снег
И злые холода,
Как изумруд, на нас плывут
Кругом громады льда.

Страна льда и пугающего гула, где не видно ничего живого.

Меж снежных трещин иногда
Угрюмый свет блеснёт:
Ни человека, ни зверей, —
Повсюду только лёд.

Отсюда лёд, оттуда лёд,
Вверху и в глубине,
Трещит, ломается, гремит.
Как звуки в тяжком сне.

Наконец большая морская птица, называемая Альбатросом, прилетает сквозь снеговой туман. Её встречают радостно и гостеприимно.

И напоследок Альбатрос
К нам прилетел из тьмы;
Как, если б был он человек,
С ним обходились мы.

Он пищу брал у нас из рук.
Кружил над головой.
И с громом треснул лёд, и вот
Нас вывел рулевой.

И вот Альбатрос оказывается добрым предзнаменованием и сопровождает корабль, возвращающийся к северу сквозь туман и плавучие льды.

И добрый южный ветр нас мчал,
Был с нами Альбатрос,
Он поиграть, поесть слетал
На корабельный нос.

В сырой туман на мачте он
Спал девять вечеров,
И белый месяц нам сиял
Из белых облаков».

Старый Моряк, нарушая гостеприимство, убивает птицу, приносящую счастье.

— Господь с тобой, Моряк седой,
Дрожишь ты, как в мороз!
Как смотришь ты? — «Моей стрелой
Убит был Альбатрос».

Часть вторая

«Вот солнце справа из волны
Восходит в вышину
Во мгле, и с левой стороны
Уходит и глубину.

И добрый южный ветр нас мчит,
Но умер Альбатрос.
Он не летит играть иль есть
На корабельный нос.

Товарищи бранят Старого Моряка за то, что он убил птицу, приносящую счастье.

Я дело адское свершил,
То было дело зла.
Я слышал: «птицу ты убил,
Что ветер принесла;
Несчастный, птицу ты убил,
Что ветер принесла».

Но когда туман прояснел, они оправдывают его поступок и тем самым приобщаются к его преступлению.

Когда же солнечным лучом
Зажёгся океан,
Я слышал: «птицу ты убил,
Пославшую туман.
Ты прав был, птицу умертвив,
Пославшую туман».

Ветер продолжается. Корабль входит в Тихий Океан и плывет на север, пока не доходит до Экватора.

Белеет пена, дует ветр,
За нами рябь растет;
Вошли мы первыми в простор,
Тех молчаливых вод.

Стих ветр, и парус наш повис,
И горе к нам идёт,
Лишь голос наш звучит в тиши
Тех молчаливых вод.

Корабль неожиданно останавливается.

В горячих, медных небесах
Полдневною порой
Над мачтой Солнце, точно кровь,

С Луну величиной.

За днями дни, за днями дни
Мы ждём, корабль наш спит,
Как в нарисованной воде,
Рисованный стоит.

Месть за Альбатроса начинается.

Вода, вода, одна вода.
Но чан лежит вверх дном;
Вода, вода, одна вода,
Мы ничего не пьём.

Как пахнет гнилью — о, Христос! —
Как пахнет от волны,
И твари слизкие ползут
Из вязкой глубины.

В ночи сплетают хоровод
Блудящие огни.
Как свечи ведьмы, зелены,
Красны, белы они.

Их преследует дух, один из незримых обитателей нашей планеты, которые — не души мёртвых и не ангелы.

И многим снился страшный дух,
Для нас страшней чумы,
Он плыл за нами под водой
Из стран снегов и тьмы.

В гортани каждого из нас
Засох язык, и вот,
Молчали мы, как будто все
Набили сажей рот.

Матросы, придя в отчаянье, хотят взвалить всю вину на Старого Моряка, в знак чего они привязывают ему на шею труп морской птицы.

Со злобой глядя на меня,
И стар и млад бродил;
И мне на шею Альбатрос
Повешен ими был».

Часть третья

Старый Моряк замечает что-то вдали.

«Так скучно дни идут. У всех
Стеклянный блеск в глазах.
Как скучно нам! Как скучно нам!
Как страшен блеск в глазах!
Смотрю вперёд, и что-то вдруг
Мелькнуло в небесах.

Сперва, как лёгкое пятно,
И как туман потом;
Плывёт, плывёт и, наконец
Явилось кораблём.

Пятно — туман — корабль вдали,
И всё плывёт, плывёт:
Как бы по воле духа вод
То прыгнет, то нырнёт.

При приближенье это оказывается кораблём; и дорогой ценой Моряк добывает у Жажды возможность говорить.

С засохшим, чёрным языком
Кричать мы не могли;
Тогда я руку прокусил,
Напился крови и завыл:
— Корабль, корабль вдали!

С засохшим, чёрным языком,
В движеньях не тверды,
Они пытались хохотать
И снова начали дышать,
Как бы хлебнув воды.

Взрыв радости и за ним ужас. Ибо разве бывает корабль, плывущий без ветра или течения?

— Смотри! — кричал я — как он тих,
Не даст он счастья нам;
Но без теченья, без ветров
Летит он по водам. —

На западе волна в огне,

Уходит день, как дым;
И был над самою волной
Шар солнца недвижим,
Когда чудесный призрак вдруг
Меж нами встал и ним.

Ему кажется, что это только скелет корабля.

Сквозь снасти Солнце видно нам
(Услышь, Мария, нас!)
Как за решёткою тюрьмы
Горящий, круглый глаз.

Увы! (я думал и дрожал)
Он продолжает плыть!
И неужели паруса —
На Солнце эта нить?

И реи кажутся тюремной решеткой на лике заходящего Солнца. На борту корабля-скелета только женщина-призрак и смерть, её товарищ.

Каково судно, такова и команда! Смерть и Жизнь по Смерти разыгрывают между собой моряков, и последняя получает Старого Моряка.

Пылает Солнце, как в тюрьме
Ужели между рей?
И женщина смеётся нам? —
Не Смерть ли? И вторая там?
Не Смерть ли та, что с ней?

Рот красен, жёлто-золотой
Ужасный взор горит:
Пугает кожа белизной,
То Жизнь по Смерти, дух ночной,
Что сердце леденит.

Вот близко, близко подошли
И занялись игрой,
И трижды свистнув, крикнул дух:
«Я выиграл, он мой!»

Нет сумерек на заходе солнца.

Уж Солнца нет; уж звёзд черёд:

Недолго вечер был,
И с шумом призрачный корабль
Опять в моря уплыл.

Мы слушали, смотрели вновь
И как из кубка, нашу кровь
Точил из сердца страх;
Мутнели звёзды, мрак густел
Был рулевой под лампой бел;

Восход месяца.

Роса — на парусах.
А на востоке встал тогда
Рогатый месяц, и звезда
Запуталась в рогах.

Один за другим.

И каждый месяцем гоним,
Безмолвие храня,
Глазами, полными тоски,
Преследует меня.

Его товарищи падают мёртвыми.

И двести их, живых людей
(А я не слышал слов),
С тяжёлым стуком полегли,
Как груда мертвецов.

Помчались души их, спеша
Покинуть их тела!
И пела каждая душа,
Как та моя стрела».

Часть четвёртая

Свадебный Гость боится, что говорит с призраком.

— Ты страшен мне, седой Моряк
С костлявою рукой
Ты тёмен, как морской песок,
Высокий и худой.

Но Старый Моряк уверяет его, продолжает свою ужасную исповедь.

Страшны горящие глаза,
Костлявая рука, —
«Постой, не бойся, Брачный Гость!
Не умер я пока.

Одни, один, всегда один,
Один среди зыбей!
И нет святых, чтоб о душе
Припомнили моей.

Он презирает тварей, порожденных затишьем,

Так много молодых людей
Лишились бытия:
А слизких тварей миллион
Живёт, а с ними я.

И сердится, зачем они живут, когда столько людей погибло.

Гляжу на гниль кишащих вод
И отвожу мой взгляд;
Гляжу на палубу потом,
Там мертвецы лежат.

Гляжу на небо и мольбу
Пытаюсь возносить,
Но раздаётся страшный звук,
Чтоб сердце мне сушить.

Когда же веки я сомкну,
Зрачков ужасен бой,
Небес и вод, небес и вод
Лежит на них тяжелый гнёт,
И трупы под ногой.

Но проклятье ему видно в глазах мертвецов.

Холодный пот с лица их льёт,
Но тленье чуждо им,
И взгляд, каким они глядят,
Навек неотвратим.

Сирот проклятье с высоты
Свергает духа в ад;
Но, ах! Проклятье мёртвых глаз
Ужасней во сто крат!
Семь дней и семь ночей пред ним
Я умереть был рад.

Подвижный месяц поднялся
И поплыл в синеве:
Он тихо плыл, а рядом с ним
Одна звезда, иль две.

Была в лучах его бела,
Как иней, глубина;
Но там, где тень от корабля
Легла, там искрилась струя
Убийственно-красна.

При свете месяца он в полной тишине видит божьих тварей.

Где тени не бросал корабль,
Я видел змей морских:
Они неслись лучам во след,
Вставали на дыбы, и свет
Был в клочьях снеговых.

Где тени не бросал корабль,
Наряд их видел я, —
Зелёный, красный, голубой.
Они скользили над водой,
Там искрилась струя.

Их красота и их счастье.

Они живыми были! Как
Их прелесть описать!
Весна любви вошла в меня,

Он благословляет их в сердце своём.

Я стал благословлять:
Святой мой пожалел меня,
Я стал благословлять.

Чары начинают спадать.

Я в этот миг молиться мог:
И с шеи, наконец,
Сорвавшись, канул Альбатрос
В пучину, как свинец».

Часть пятая

«О, милый сон, по всей земле
И всем отраден он!
Марии вечная хвала!
Она душе моей дала
Небесный милый сон.

По милости богоматери Старый Моряк освежён дождем.

На деле чан один пустой
Случайно уцелел;
Мне снилось, полон он водой:
Проснулся — дождь шумел.
Мой рот холодным был и ткань
На мне сырой была;
О, да! Пока я пил во сне,
И плоть моя пила.

Но я её не замечал,
Так лёгок стал я вдруг,
Как будто умер я во сне,
И был небесный дух.

Он слышит звуки и замечает странные небесные знаменья.

И я услышал громкий ветр;
Он веял вдалеке,
Но всё ж надулись паруса,
Висевшие в тоске.

И разорвались небеса,
И тысяча огней
То вспыхнет там, то здесь мелькнёт;
То там, то здесь, назад, вперёд,
И звёзды пляшут с ней.

Идущий ветер так могуч, —

Сломать бы мачту мог;
Струится дождь из чёрных туч,
И месяц в них залёг.

Залёг он в трещине меж туч,
Что были так черны:
Как воды падают со скал,
Так пламень молнии упал
С отвесной крутизны.

Трупы корабельных матросов заколдованы, а корабль плывет.

Ветров не чувствует корабль,
Но всё же мчится он.
При свете молний и Луны.
Мне слышен мёртвых стон.

Они стенают и дрожат,
Они встают без слов,
И видеть странно, как во сне,
Встающих мертвецов.

Встал рулевой, корабль плывет,
Хоть также нет волны;
И моряки идут туда,
Где быть они должны,

Берясь безжизненно за труд,
Невиданно-страшны.

Племянник мёртвый мой со мной
Нога к ноге стоял:
Тянули мы один канат,
Но только он молчал».

Но не души умерших матросов и не демоны земли или воздуха, но благословенный рой ангелов ниспослан по молитве его святого.

— Ты страшен мне, седой Моряк!
«Не бойся, Гость, постой!
Не грешных душ то рать была,
В свои вернувшихся тела,
А душ блаженный строй:

Когда настал рассвет, они

Вкруг мачт сошлись толпой;
И, поднимая руки ввысь,
Запели гимн святой.

Летели звуки вновь и вновь,
Коснутся высоты
И тихо падали назад,
То порознь, то слиты.

То пенье жаворонка я
Там различал едва;
То пенье птички небольшой
Меж небесами и водой
Струила синева.

Уединённой флейты плач,
Оркестра голоса,
Хор ангелов, перед каким
Немеют небеса.

Всё смолкло; только в парусах
До полдня слышен зов,
Как бы в июньскую жару
Журчанье ручейков,
Что нежным голосом поют
В тиши ночных лесов.

И так до полдня плыли мы
Средь полной тишины:
Спокойно двигался корабль,
Влеком из глубины.

Одинокий дух мчит корабль от Южного полюса до Экватора, повинуясь сонму ангелов, но возмездие должно продолжаться.

На девять сажен в глубине
Из стран снегов и тьмы
Плыл дух; и наш взносил корабль
На водные холмы.
Но в полдень зов средь парусов
Затих, и стали мы.

Над мачтой Солнце поднялось,
Идти нам не даёт:
Но через миг опять корабль
Вдруг подскочил из вод,

Почти во всю свою длину
Он подскочил из вод.

Как конь, встающий на дыбы,
Он сразу подскочил:
В виски ударила мне кровь
И я упал без сил.

Демоны, спутники Полярного Духа, незримые обитатели стихий, принимают участие в его работе, и двое из них сообщают один другому, что долгое и жестокое мщенье Старому Моряку совершено Полярным Духом, который возвращается на юг.

Как долго я лежал без чувств,
Я сам узнать бы рад;
Когда ж вернулась жизнь ко мне,
Я услыхал, что в вышине
Два голоса звучат.

— Кто это? — говорил один,
— Не это ли матрос,
Чьей злой стрелою был убит
Незлобный Альбатрос?

Самодержавный властелин
Страны снегов и мглы
Любил ту птицу и отмстил
Хозяину стрелы. —

Ответный голос схожим был
С медвяною росой;
— Он к покаянью принуждён
На век останний свой».

Часть шестая

Первый голос

«Но расскажи мне! — слышно вновь, —
Ответь подробней мне,
Затем так движется корабль?
Что скрыто в глубине?

Второй голос

Как пред своим владыкой раб

И океан смирён;
Его горящий круглый глаз
На Месяц устремлён.

И если знает он свой путь,
То это Месяц правит им;
Смотри, мой брат, как нежен взгляд
Взгляд Месяца над ним.

Первый голос

Но как в безветрии корабль
Идет, заворожён?

Моряк лежит без чувств, потому что ангелы уносят корабль на север так быстро, что человек не может выдержать.

Второй голос

Раздался воздух впереди,
Сомкнулся сзади он.

Летим, мой брат, скорей летим!
Мы запоздали так:
Пока корабль идет вперёд,
Пробудится Моряк. —

Чудесное движенье замедлено; Моряк очнулся, а возмездие продолжается.

Проснулся я; и мы плывём
В безветренных водах:
Кругом столпились мертвецы,
И Месяц в облаках.

Стоят на палубе они,
Уставя на меня
Глаза стеклянные, где луч
Небесного огня.

С проклятьем умерли они,
Проклятье в их глазах.
Я глаз не в силах отвести,
Ни изойти в слезах.

Возмездие, наконец, кончается.

И чары кончились: опять
Взглянул я в зелень вод,
И хоть не видел ничего,
Но все глядел вперёд.

Как путник, что идёт в глуши
С тревогой и тоской
И закружился, но назад
На путь не взглянет свой
И чувствует, что позади
Ужасный дух ночной.

Но скоро ветер на меня,
Чуть ощутим, подул:
Его неслышный, тихий шаг
Воды не колыхнул.

Он освежил моё лицо,
Как ветр весны, маня
И, проникая ужас мой,
Он утешал меня.

Так быстро, быстро шёл корабль,
Легко идти ему;
И нежно, нежно веял ветр, —
Мне веял одному.

И Старый Моряк снова видит родину.

О, дивный сон! Ужели я
Родимый вижу дом?
И этот холм и храм на нём?
И я в краю родном?

К заливу нашему корабль
Свой направляет путь —
О, дай проснуться мне, Господь,
Иль дай навек заснуть!

В родном заливе воды спят,
Они, как лёд, ровны,
На них видны лучи луны
И тени от луны.

Немым сиянием луны
Озарены вокруг
Скала и церковь на скале,
И флюгерный петух.

Ангелы оставляют трупы и являются в одеждах света.

И призраки встают толпой,
Средь белых вод красны,
Те, кто казались мне сейчас
Тенями от луны.

В одеждах красных, точно кровь,
Они подходят к нам:
И я на палубу взглянул —
Господь! Что было там!

Лежал, как прежде, каждый труп,
Ужасен, недвижим!
Но был над каждым в головах
Крылатый серафим.

Хор ангелов манил рукой
И посылал привет,
Как бы сигнальные огни,
Одеянные в свет.

Хор ангелов манил рукой,
Ни звука в тишине,
Но и безмолвие поёт,
Как музыка во мне.

Вдруг я услышал вёсел плеск
И кормщика свисток;
Невольно обернулся я
И увидал челнок.

Там кормщик и дитя его,
Они плывут за мной:
Господь! Пред радостью такой
Ничто и мёртвых строй.

Отшельника мне слышен зов
Ведь в лодке — третьим он!
Поёт он громко славный гимн,
Что им в лесу сложён.
Я знаю, может смыть с души

Кровь Альбатроса он.

Часть седьмая

Лесной Отшельник.

Отшельник тот в лесу живет
У голубой волны.
Поёт в безмолвии лесном,
Болтать он любит с Моряком
Из дальней стороны.

И по утрам, по вечерам
Он молит в тишине:
Мягка его подушка — мох
На обветшалом пне.

Челнок был близко. Слышу я:
— Здесь колдовства ли нет?
Куда девался яркий тот,
Нас призывавший свет?

И не ответил нам никто, —
Сказал Отшельник, — да!

Чудесное приближенье корабля.

Корабль иссох, а паруса?
Взгляды, как ткань худа!
Сравненья не найти; одна
С ней схожа иногда
Охапка листьев, что мои
Ручьи лесные мчат;
Когда под снегом спит трава
И с волком говорит сова.
С тем, что пожрал волчат. —

— То были взоры сатаны!
(Так кормщик восклицал)
— Мне страшно. — Ничего! плывём! —
Отшельник отвечал.

Челнок уже у корабля,
Я в забытье немом,
Челнок причалил к кораблю,

И вдруг раздался гром.

Корабль внезапно тонет.

Из-под воды раздался он
И ширится, растёт:
Он всколыхнул залив, и вот
Корабль ко дну идёт.

Старый Моряк находит спасенье и челноке.

От грома океан застыл,
И небеса в тоске,
И, как утопленник, я всплыл
Из глуби налегке;
Но я глаза свои открыл
В надёжном челноке.

В воронке, где погиб корабль,
Челнок крутил волчком;
Всё стихло, только холм гудел,
В нём отдавался гром.

Открыл я рот — и кормщик вдруг,
Закрыв лицо, упал;
Святой Отшельник бледен был
И Бога призывал.

Схватил я вёсла: и дитя,
Помешано почти,
Смеётся, не отводит глаз
От моего пути.
— Ха! Ха! — бормочет, — как я рад,
Что может Черт грести. —

И я в стране моей родной,
На твёрдой я земле!
Отшельник вышел и спешит,
Скрывается во мгле.

Старый Моряк умоляет Отшельника принять его исповедь; и его душа облегчена.

«Постой! Я каяться хочу!»

Отшельник хмурит взор
И вопрошает: «Кто же ты?
Что делал до сих пор?» —

И пал с меня тяжёлый груз
С мучительной тоской,
Что вынудила мой рассказ;
И я пошёл иной.

Но всё-таки тоска заставляет его бродить из страны в страну.

С тех пор гнетёт меня тоска
В неведомый мне час,
Пока я вновь не расскажу
Мой сумрачный рассказ.

Как ночь, брожу из края в край,
Метя то снег, то пыль;
И по лицу я узнаю,
Кто может выслушать мою
Мучительную быль.

О, как за дверью громок шум!
Собрались гости там;
Поёт невеста на лугу
С подружками гостям,
И слышится вечерний звон,
Зовя меня во храм.

О, Брачный Гость, я был в морях
Пустынных одинок,
Так одинок, как, может быть,
Бывает только Бог.

Но я тебя не попрошу:
На пир меня возьми!
Идти мне слаще в Божий храм
С хорошими людьми.

Ходить всем вместе в Божий храм
И слушать там напев,
Которым с Богом говорят,
Средь стариков, мужчин, ребят,
И юношей, и дев.

И учит на своём собственном примере любви и вниманью ко всей твари, которую создал и любит Бог.

Прощай, прощай! Но, Брачный Гость,
Словам моим поверь!
Тот молится, кто любит всех,
Будь птица то, иль зверь.
Словам моим поверь!

Тот молится, кто любит всё —
Создание и тварь;
Затем, что любящий их Бог
Над этой тварью царь».

Моряк, с глазами из огня,
С седою бородой
Ушёл, и следом Брачный Гость
Побрёл к себе домой.

Побрёл, как зверь, что оглушён,
Спешит в свою нору:
Но углублённей и мудрей
Проснулся поутру.